

Мария Магдалена КОСАНОВИЧ

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ В ЮГОСЛАВИИ О ПЕРЕСЕЛЕНИИ
СЕРБОВ В РОССИЙСКУЮ ИМПЕРИЮ В СЕРЕДИНЕ
18 ВЕКА

Миграция, переселение отдельных групп населения, а даже целых народов, присущи истории человечества испокон веков. Как правило, они происходят по экономическим, политическим причинам или как следствие войн. Так как мы здесь не в состоянии углубиться в данную проблематику, ради иллюстрации приведем лишь два значительных примера: 1. переселение евреев в Египет, их возвращение в Палестину, а потом вынужденное рассеяние по всему миру; 2. переселение древних славян со своей прародины вглубь европейского континента.

Сербский народ находится в числе тех народов, которым на протяжении своей истории неоднократно приходилось испытывать тяжкое горе экзодуса, народ, который принужден покидать родные места и в настоящее время.

Первые миграции больших групп сербского населения берут свое начало с конца XIV века, в период турецких завоеваний, когда сербы стали переселяться в свободные тогда государства: Австрию, Венгрию, Италию и Россию.

Спасаясь от турецкого войска в 1690–1691 гг., большое количество сербского населения двинулось в Черногорию и Герцеговину, а свыше 70 000 сербов под предводительством патриарха Арсения Чарноевича перешло Дунай и оказалось в Австро-Венгрии. Там, кстати сказать, на территориях, на которых и раньше жили сербы, они обосновали свое воеводство, зародыш теперешней Автономной области Воеводины. Этот экзодус известен в истории под названием „Большое переселение сербов”. Именно переселенцы в Российскую империю в 1752–1753 гг. являются их потомками.

Многие историки – русские,¹ сербские² и украинские³ – рассматривали основ-

¹ В первую очередь Нил Попов: *Военные поселения сербов в Австрии и России*. „Вестник Европы”, кн. 6, июнь 1870, с. 584–614. Он же опубликовал *Известие о походе С.С. Пишчевича*, Москва, 1883. См. также публикацию В. Ястребова *Примечания Александра Пишчевича на Новороссийский край*. „Киевская старина”, т. VIII, январь 1884, с. 111–134.

² Мита Костић: *Српска насеља у Русији, Нова Србија и Славеносрбија*. Београд, 1923; изд. II, Нови Сад, 2001; Мирко Барјактаровић: *Судбина одсељених Срба у Украјини*. У: „Зборник радова Етнографског института”, књ. V, Београд, 1971, с. 135–150; Александар Форишковић: *Сеобе Срба у Русију током XVIII века*, в: *Историја српског народа*, књ. IV, т. 1, Београд, 1986, с. 233–250.

³ См. книги Павла Рудякова: *Сеоба Срба у Русију у XVIII веку*, Београд, 1995; Вариант на

ные причины и последствия этого переселения, и все же нельзя сказать, что эта сложная историческая, общественная, политическая и демографическая проблематика исчерпана. С полным основанием можно ожидать, что именно теперь, 250 лет спустя, современные научные исследователи внесут свой вклад в дальнейшее изучение событий, о которых идет речь.

Общеизвестным является тот факт, что миграции и политические эмиграции продолжаются и в XX веке. Без сомнения, самой массовой эмиграцией является принудительное выселение свыше двух миллионов русских, после катаклизмов 1917 года, вызванных Октябрьской революцией, а потом Гражданской войной 1918–1920 гг. Беженцы находили свое убежище в Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве, Китае (Маньчжурии), Польше, Чехословакии, Болгарии, Королевстве сербов, хорватов и словенцев, Германии, Франции, Бельгии, Швейцарии, Англии... По известным причинам феномен данной русской эмиграции смог быть предметом более глубокого изучения лишь после т. наз. „перестройки” в СССР (1996) и связанных с ней глобальных политических перемен в мире. Эти перемены вызвали большой интерес к раньше табуированному изучению русского зарубежья.⁴

Итак, сравнительно маленькое Королевство сербов, хорватов и словенцев (позже переименованное в Югославию) было одним из ведущих центров русской эмиграции. В эмигрантологии принято считать, что Югославия стала третьим по значению духовным центром русской диаспоры (наряду с Берлином, сразу после Парижа и Праги).⁵ Здесь с 1919 по 1921 г. нашло свое убежище свыше 50 000 беженцев из России. Преобладающее число этих пришельцев интеллигентны (по доступным статистическим данным 13% с высшим и 62% со средним образованием).⁶ На своей „новой родине” русские ученые печатали свои научные труды на русском языке или в переводе на сербскохорватский. Нередко в Сербии публиковались статьи и книги деятелей русской эмиграции, проживающих и в других странах. Поэтому, мы считаем вполне оправданным включение в наш дискурс немногочисленных текстов и этих авторов, если они посвящены интересующей нас тема-

русском языке: „В службу и вечное подданство...”: *Сербские населения Новая Сербия и Славяносербия на украинских землях (1751–1764)*. Киев, 2001.

⁴ Среди отдельных обших исследований здесь следует особо отметить: Marc Raeff: *Russia Abroad. A cultural History of the Russian Emigration 1919-1939*. Oxford, 1990; Глеб Струве: *Русская литература в изгнании*. Изд. 3е, испр. и дополн. ПарижМосква, 1996. И т.д.

⁵ Кроме приведенной нами книги М. Йовановича, см. также: Остоја Ђурић: *Руска литература Србија 1920-1941*. Београд, 1990; *Руска емиграција у српској култури XX века*. Зборник радова, т. I-II, Београд, 1994; Алексей Арсеньев: *У излучини Дуная. Очерки из жизни и деятельности русских в Новом Саду*, Москва 1999; Љубивоје Церовић: *Срби у Украјини*. Нови Сад, 2002.

Среди немногочисленных русских работ выделяются статьи: Владимир Тесемников: *Российская эмиграция в Югославии (1919–1945)*. „Вопросы истории”, 1982, № 10, с. 128–137; Владимир Козлитин: *Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.*, с. 719; Виктор Косик: *Русская Югославия*. „Славяноведение”, 1992, № 4, с. 20–32.

⁶ См. обстоятельное исследование диссертацию: Мирослав Јовановић: *Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924*. Београд, 1996.

тике переселения сербских полков в Российскую империю в начале 50-ых гг. XVIII века.

Алексей Кириллович Елачич эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев в 1920 г. Этот виднейший русский историк и ученый окончил Историко-филологический факультет в Петрограде, там же в 1914–1917 гг. работал доцентом, а потом в Киеве профессором. Алексей Кириллович жил до конца своих дней в Югославии, где преподавал в Черногории, Сербии, Хорватии и, наконец, стал профессором на Философском факультете в Скопье, писал научные труды по истории и литературе, исследовал русско-сербские культурные связи. В своих научных работах проф. Елачич уделял большое внимание вопросу переселения сербов в Россию в XVIII веке. Еще до выхода в свет своих фундаментальных монографий *История России* (1929) и *Россия и Балканы* (1940), Елачич написал статью в журнале „Новая Европа” о переселенцах из Воеводины в Южную Россию.⁷ Эта статья, опубликованная в 1927 г., является первым историческим документом, написанным в Югославии русским эмигрантом, о переселении сербов и основании колоний Новая Сербия и Славяносербия. В отличие от своих последующих работ, А. К. Елачич говорит здесь не только о причинах переселения и других исторических событиях, связанных с уходом сербов в Россию. Он вполне реально оценивает условия жизни сербов в этой „обетованной земле”, в которой они видели для себя широкие просторы для работы, успехов и богатой жизни. На самом деле, территория, на которой поселились переселенцы была красива и плодородна, но в то же время дика и опасна. Там уже были старожилы, с которыми они не сумели наладить отношения. А. К. Елачич не скрывает, что надежды многих переселенцев в Россию не сбылись, что многие из них разочаровались, а некоторые даже вернулись на родину. Существуют достоверные документы о том, что в 1750 г., в то время когда Россия посылала в Венгрию своих эмиссаров с целью вербовать новых солдат, даже 59 человек из Сербского и Венгерского полков выразило желание вернуться домой. Дело дошло до Сената и солдатам из этих полков с тех пор стали регулярно выплачивать жалованье. Самое большое количество сербов из Воеводины переехало в Российскую империю в 1752–1753 и 1756 гг., но Елачич утверждает, что несмотря на то, что о переселении сербов писалось очень много, до сих пор еще не известно сколько их точно было. По его мнению, число 100 000, которое упоминает в своей известной книге историк Швикер,⁸ является весьма преувеличенным. С одной стороны, один официальный документ 1763 г. говорит, что число переселенцев было „небольшим”, а с другой существуют данные, что их было „много”. Тут А. К. Елачич логично возражает, что понятия „мало” и „много” очень относительны и пользоваться ими в науке не принято. Пока известно, что не существует данных об их точном количестве. Зато вполне уверенно можно сказать, что сербские переселенцы в России быстро подверглись русификации. Как доказательство Елачич приводит факт, что уже в 1767., на выборах в Законодательский комитет, некоторые из них считали себя „русскими”. Два русских серба, отец и сын Пишче-

⁷ А. К. Jelačić: *Vjvodani u Rusiji*. „Nova Evropa”, 26. septembra 1927, knj. XVI, br. 6, s. 205–208.

⁸ Johan Heinrich Schwicker: *Politische Geschichte der Serben in Ungarn*. Budapest, 1880.

вичи, писали мемуары, и в то время, когда отец писал еще на славяно-сербском, сын уже писал на хорошем русском литературном языке. Но, несмотря на активный процесс русификации, сербы сохранили некоторые детали, говорящие об их происхождении. По данным от 1918 г., которыми располагал Елачич, в их одежде и обычаях сохранились следы сербской колонизации, а названия населенных пунктов на территории бывшей Новой Сербии совпадают с названиями топонимов в Банате и Бачке: Надлак, Печка, Фельдвар, Сентомаш, Субботица, Сланкамен, Дмитровица и др.

Два года спустя проф. Елачич опубликовал свою монографию *История России*,⁹ в которой нет отдельной главы, посвященной переселению сербов в Россию. Эта проблема лишь затрагивается в XV и XVI главах. Там читаем, что основная волна сербов-переселенцев прибыла в Россию в результате демобилизации части войска в Потисье и Поморишье. Переселенцы образовали полки и роты, которые в мирное время должны были служить за свой счет, а во время войны за казенный. Вскоре начались распри между их вождами Хорватом, Прерадовичем и Шевичем, злоупотребления властью, беспорядки и недовольство. Несмотря на это, колонии сербов сохранили свою автономию вплоть до восшествия на престол Екатерины II. Во время Екатерины II уже говорится не о сербах-переселенцах, а „о православном народе”, который откликнулся на царский призыв, прибыл в Россию переполненный любовью к царице и царству, которое он преданно защищает и за это получил известные привилегии. Но на самом деле, сербские офицеры были вынуждены требовать, чтобы русское правительство выполнило свои обещания. Они считали, что их должны приравнять к русским дворянам, что они должны получать такие же жалованье и пенсию, как и другие русские офицеры. Требовали также ввоза вина из заграницы. Елачич еще раз подчеркивает, что на выборах в 1767 г. два представителя сербов вошли в Законодательский комитет: Аврам Рашкович и Михайло Тошкович. В заключение он говорит, что внутренняя и внешняя история сербских колоний в России требует еще подробного исследования и освещения.

Монография Елачича *Россия и Балканы*¹⁰ не принесла новых сведений об историческом факте, который нас интересует. Алексей Кириллович теперь, в 1940 г., констатирует, что о сербах в России уже много написано, но зато он приводит весьма интересную историю русского дипломата Вешнякова, который во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. находился в Константинополе. Он в своих письмах уверял царицу Елисавету Петровну, что все „грамотные люди в мире” любят читать жизнеописание Петра Великого, что все бедные православные христиане ждуть свободы от ее императорского величества. Нужно только, чтобы на Дунае появилось русское войско, чье количество сразу станет вдвое больше за счет добровольцев из Молдавии, Валахии, Болгарии, Сербии, Славонии, Далмации, Черногории, Албании, Греции и островов, и самого Константинополя... Но прежде надо, по мнению Вешнякова, разрешить переселение в Россию „славных далматов, черногорцев, сербов и болгар, которые одного с нами (русскими) происхож-

⁹ Алексеј Јелачић: *Историја Русије*. Београд, 1929.

¹⁰ Др Алексије Јелачић: *Русија и Балкан. Преглед политичких и културних веза Русије и балканских земаља 866-1940*. Београд, 1940.

дения». Хотя правительство Елисаветы Петровны не послушалось совета Вешнякова в той его части, которая говорила о походе русских против турок, как раз во время ее царствования произошло переселение сербов в Россию и основание военных колоний Новая Сербия и Славяносербия.

Говоря о вкладе русских эмигрантов в исторические науки, нельзя обойти молчанием обширную монографию *История России* в трех томах, написанную Павлом Милюковым, бывшим профессором Московского университета, Ш. Сенебосом и Л. Эзенманом, профессорами Парижского университета. Павел Николаевич Милюков (1859–1943) эмигрировал в 1918 г. Он известен как историк, но прежде всего по своей политической деятельности – был министром иностранных дел во временном правительстве после Февральской революции. В работе над этой книгой участвовали также многие другие виднейшие русские ученые-эмигранты: генерал Г. Данилов, бывший начальник штаба русской армии; П. Гронский, бывший профессор Политехнического института в Петрограде; А. Кизеветтер, бывший профессор Московского университета, профессор университета в Праге; В. Мякотин, профессор университета в Софии; Б. Миркин-Гецевич, бывший профессор университета в Петрограде. Хотя книга была предназначена для французских читателей, она была переведена на сербский язык, вышла в Белграде в 1939 г.¹¹ и поэтому можно считать, что она имеет известное отношение к интересующей нас теме.

В предисловие белградский издатель рекомендует *Историю России* югославским читателям, называя ее „эпохальным научным историческим трудом”, „последним словом об истории России”, которое дает возможность читателям узнать, чем является Россия как географическое целое, как культурный фактор для человечества, как политический фактор в Европе и в мире, как защитница всех славян. После такого помпезного вступления, открыв раздел под заглавием *Иностранные колонии в России*, находим всего одно предложение о сербах и их Новой Сербии и Славяносербии. Ни одного слова об их роли в Российской империи. Авторы забыли сказать, что эти сербы стали одновременно объектом и субъектом определенной политики, о них спорили две большие империи – Российская и Габсбургская монархии. Обе они интересовались сербскими переселенцами надеясь, что они являются звеном, которое им поможет овладеть дунайско-балканской территорией.

В эмигрантской литературе о сербских переселенцах в Россию в XVIII веке настоящей жемчужиной является статья Александра Васильевича Соловьева (1870–1971) *Югославские полки в русском войске XVIII века*. А. В. Соловьев был знаменитым историком, юристом, славистом, археологом. Покинул Россию в 1920 г. и поселился в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. С 1920 по 1935 г. работал профессором в Белграде. После Второй мировой войны был первым ректором и профессором юридического факультета в Сараево. В 1949 г. был изгнан коммунистами, переехал в Швейцарию. Интересующая нас статья помещена в исключительно редком издании от 1934 г. – *Русскоюгославском альманахе комитета по строительству мемориальной часовни царю-мученику Николаю II в Панчево*.¹² Часовня должна была строиться, между прочим, на деньги, полученные от про-

¹¹ Павле Милуков, Ш. Сенебос, Л. Езенман: *Историја Русије, књ. I-III*. Београд, 1939.

¹² Панчево, 1934.

даже альманаха. В *Альманахе*, наряду с Соловьевым, можно найти такие знаменитые имена русских эмигрантов, как Ф. В. Тарановский, А. Л. Погодин, П. Б. Струве, В. А. Мошин. А. В. Соловьев, подробно рассматривает историю переселения сербов в Российскую империю, начиная с его „предыстории”, т.е. с 1704 г., когда венгерские сербы послали П. Божича в Россию просить царя Петра Великого о русском подданстве, а кончает свое описание, утверждая, что потомки сербов-переселенцев принимали участие еще в битве под Аустерлицем в 1805 г. (Никола де Прерадович, Иван Янкович де Мириево), в битве под Лейпцигом в 1813 г. (Иван Шевич), а даже во время войны 1914 г. гвардейские гусары боролись под командой потомка сербских переселенцев (Г. И. Шевича). Особое место у Соловьева занимает исследование устройства сербских полков в России. Он очень подробно описывает мундиры отдельных частей, будто мимоходом, делает этимологический анализ названий частей военной одежды, указывая на их сербское происхождение. Добавим еще, что А. В. Соловьев пользовался также русскими источниками, такими как: *Историческое описание одежды и вооружения Российских войск* (1841), *Полное собрание Законов Российской империи*, вып. XLIII.

Естественно, что историков русского зарубежья в Сербии всегда интересовала проблема русско-сербских взаимоотношений. Поэтому они обращались к описанию сербского рассеяния, ибо возвращаясь в прошлое они не могли мысленно не сравнить свою горькую жизнь в изгнании с жизнью сербов в период царствования Елисаветы Петровны и Екатерины II. Недаром М. М. Бахтин заметил, что „предмет гуманитарных наук *выразительное и говорящее бытие*”¹³

В настоящее время в Югославии можно найти потомков русских эмигрантов, о происхождении которых свидетельствуют только их русские фамилии, так же и сербские переселенцы постепенно растворились в огромной массе русского и украинского народов. Этому во многом способствовала близость языка, а также их общее православное вероисповедание. Красиво об этом сказал Александр Львович Погодин (1920–1944), профессор Варшавского, Харьковского и Белградского университетов:

„Как легко обрусевали у нас немцы и другие иностранцы, которых всегда было много в России, и как они привязались к России! Никаким принудительным навязыванием своего языка и своих обычаев этого нельзя бы было достигнуть. Но кто же из живущих в России иностранцев не входил легко в русское общество, не привыкал к русской книге, к русским беседам за самоваром, к русским спорам о Боге и правде?”¹⁴

Мы ответим, опять словами М. М. Бахтина: „Науки ищут то, что остается неизменным при всех изменениях (вещи или функции)”.

Много раз упоминаемый нами Е. Елачич, в обзоре политических и культурных взаимосвязей России и балканских стран, оговорился:

„Историк не пророк, вот, почему я воздерживаюсь от какихлибо пророчеств (...). Хочу только заметить, что история меняется, а география остается”¹⁵

¹³ М. М. Бахтин: *Собрание сочинений в семи томах*, т. 5, Москва, 1996, с. 8.

¹⁴ А. Л. Погодин: *Русская культура*, в сб. статей *Русская культура*, Белград, 1925, с. 137.

¹⁵ Др Ј. Јелачић: *Русија и Балкан*, с. 120.

Ему вторит выдающийся сербский писатель М. Црнянский, заканчивая вторую книгу своего исторического романа *Переселения* (1962) словами:

„Там, куда Исакович и сербский Soldatenvolk ушли вместе с тысячами своих земляков, которые подобно улиткам, тащили свой дом на себе, не осталось и следа от их жизни, кроме двухтрех названий.

Переселения были и будут вечно, как вечно рождение.

Есть переселение.

Смерти нет!”¹⁶

Со своей стороны добавим: кроме топонимов, немалый сербский след запечатлелся и в антропонимах. Шевичи, Прерадовичи, Зоричи, Текелии, Подгоричаны, Богдановы, Наранджичи, Штеричи, Черноевичи, Стояновы, Божичи, Перичи, Марковичи, Войновичи и многие другие сыграли (а некоторые и теперь играют) свою, предназначенную им судьбой, роль в жизни восточнославянского племени, близкого и такого далекого сербскому народу.

РЕЗИМЕ / SUMMARY

Емигрантолози сматрају да је Југославија била својевремено један од водећих центара руске емиграције, у којој се од 1919. до 1921. године налазило преко 50.000 избеглица из Русије. Неки од њих су овде нашли своју «другу отаџбину», а међу њима је било много истакнутих интелектуалаца. Руски научници су објављивали своје радове, између осталог, из књижевности, историје и руско-српских културних веза. Једна од тема које су занимале руске емигранте историчаре била је и сеоба Срба у Руско царство. О њој су писали значајни истраживачи: Алексеј Јелачић, Павле Миљуков, Александар Соловјев и др. У овом раду су представљени њихови погледи на сеобу Срба, као и на историју српских колонија у Русији.

*

Migration experts consider that the former Yugoslavia was one of the leading migration centers of the Russian migration with more than 50000 Russian refugees between 1919 and 1921. Some of them found their second “homeland” there and among them were many intellectuals. Russian scientists were publishing their works, among others, in literature, history and Russian-Serbian cultural links. One of the topics that the Russian migrant historians were interested in was the migration of the Serbs to the Russian Empire. Significant researchers were involved in this topic: Aleksej Jelacic, Pavle Miljukov, Aleksandar Solovjev and others. This paper presents their views concerning the migration of the Serbs, as well as the history of Serbian colonies in Russia.

¹⁶ Милош Црнянский: *Переселение*, кн. II. Перевод И. Добры. Москва, 1978, с. 493.